

Семейные предикторы умственного развития детей 6-7 лет в Московской и Бурятской популяциях¹

Т. М. Марютина,

доктор психологических наук;

О. Ю. Ермолаев,

кандидат психологических наук;

А. К. Мункоев,

кандидат биологических наук

С помощью множественного регрессионного анализа в московской и бурятской популяциях были выделены особенности родителей (показатели принятия-отвержения, авторитарной гиперсоциализации, инвалидизации, интернальности), а также характерные черты межличностных отношений детей (к матери, отцу, родителям в целом, учителю), на основании которых можно прогнозировать уровень их творческого мышления и школьной готовности. Полученные данные демонстрируют, что в бурятской и московской популяциях факторы семейной среды не менее существенны для прогноза умственного развития ребенка, чем его собственные особенности на более ранних этапах развития. Показано, что в состав предикторов в той и другой выборке входят близкие и/или совпадающие психологические характеристики родителей и межличностных отношений детей, а выделенные предикторы обладают приблизительно одинаковой прогностической валидностью в бурятской и московской выборках. Сказанное дает основание считать, что вошедшие в состав предикторов психологические характеристики относительно независимы от конкретных социоэкологических условий, и это можно считать свидетельством существования универсальных семейных детерминант, определяющих особенности формирования школьной готовности и творческого мышления детей 6-7 лет.

Разработка концепции индивидуальных траекторий развития базируется на представлении о преемственности возрастных преобразований структуры индивидуальности и возможности прогнозирования особенностей ребенка на каждой последующей стадии онтогенеза по характеристикам предшествующей. Перспективным в этом плане представляется поиск предикторов индивидуального развития, опирающихся на имеющиеся представления о структуре индивидуальности и ее уровнях, межвозрастной преемственности генетических признаков от поколения к поколению. По этой логике могут быть выделены предикторы: 1) онтогенетические, характеризующие преемственность развития индивидуальности ребенка; 2) семейные, позволяющие прогнозировать развитие индивидуальности ребенка по

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Проект Т 99-06-00096а.

особенностям его семейной среды; 3) межуровневые, характеризующие взаимодействие между уровнями в структуре индивидуальности ребенка [5, 7, 8, 10].

С позиций экологического подхода человеческое поведение необходимо исследовать в «природных», репрезентативных контекстах [9, 12, 13]. Подразумевается, что в таких условиях можно глубже проникнуть в содержание изучаемого психического явления. Применительно к проблеме построения семейных предикторов это положение может означать следующее: в зависимости от особенностей природной и социальной среды предикторы одного и того же психологического свойства могут различаться (качественно и количественно). В то же время выделение характеристик семьи, обладающих равной прогностической валидностью в разных контекстах, т. е. функционирующих вне зависимости от конкретных социоэкологических условий, можно расценивать как свидетельство существования универсальных семейных детерминант, определяющих особенности формирования творческого мышления и школьной готовности детей 6-7 лет. В связи с этим были поставлены следующие задачи:

1. сопоставить особенности семейной среды детей 6-7 лет двух выборок — из московской и русскоязычной бурятской популяций;
2. выявить параметры семейной среды, позволяющие прогнозировать развитие творческого мышления и школьную готовность детей в той и другой выборке;
3. провести сравнительный анализ предикторов творческого мышления и школьной готовности детей в исследуемых выборках.

Методы исследования

Методическую основу исследования составил сравнительный анализ индивидуально-психологических особенностей детей 6-7 лет и их родителей из московской и бурятской популяций. В анализ были включены показатели оценки: у детей — изобразительного творческого мышления по невербальному тесту Торренса, форма А (10), школьной готовности по методике А. Г. Лидерса, В. Г. Колесникова (5), межличностных отношений ребенка по методике Р. Жилия (2), у матерей и отцов — стиля семейной социализации по тесту-опроснику А. Я. Варги, В. В. Столина (3) и уровня субъективного контроля по методике Е. Ф. Бажина, Е. Ф. Голынкиной, А. М. Эткинда [1].

В выборку г. Улан-Удэ вошли 64 ребенка (40 мальчиков и 24 девочки), 46 матерей и 35 отцов. Средний возраст детей — 7,3 месяца, матерей — 39,5 года, отцов — 39 лет. Из всей выборки 25 детей, 16 матерей и 14 отцов — этнические буряты, остальные — русские. Основной язык русский — в 42 семьях, русский и бурятский — в 4 семьях. Среди отцов высшее образование имеют 23 человека, среднеспециальное — 9 человек, среднее — 3 человека. Среди матерей — соответственно 33, 11 и 2.

Московскую выборку составили 60 детей (32 мальчика и 28 девочек), 35 матерей и 30 отцов. В этой выборке средний возраст детей — 7,2 месяца, матерей — 33,5 года, отцов — 37,5 года. Основной язык во всех семьях только русский. Среди отцов 20 имеют высшее образование, 10 — среднеспециальное; среди матерей — соответственно 20 и 15.

В этих выборках испытуемых были получены дескриптивные статистики всех показателей по двум группам детей и родителей, оценена достоверность различий по критериям Стьюдента и Фишера. В каждой из этих групп был проведен корреляционный анализ с целью выявления связей, существующих между показателями творческого мышления, школьной готовности и межличностных отношений детей, а также показателей стиля семейной социализации и уровня субъективного контроля родителей. С помощью множественного регрессионного анализа в каждой группе были выделены особенности родителей, а также показатели межличностных отношений детей, на основании которых можно прогнози-

вать уровень их творческого мышления и школьной готовности. Обработка данных велась с помощью пакета программ CSS.

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ характеристик родителей

Во всех четырех группах испытуемых уровень интернальности оказался относительно низким. Средние показатели общей интернальности составляют в бурятской группе: матери — 3,48; отцы — 3,76; в московской группе: матери — 3,79; отцы — 4,02. Стандартные отклонения в той же последовательности равны 0,98; 0,94; 1,62; 2,21. Статистически достоверные различия были зафиксированы только для шкалы производственных отношений, по которой имеющие наибольшее значение матери бурятской выборки (5,30) достоверно отличаются от отцов бурятской выборки (3,42) и матерей московской выборки (3,27) ($p < 0,04$ в обоих случаях). По этой же шкале матери московской выборки статистически достоверно отличаются от отцов (4,84; $p > 0,04$). Таким образом, матери московской выборки ниже всех оценивают свою возможность контролировать профессиональную деятельность. В то же время они более оптимистичны в оценке своих способностей определять атмосферу в семейных отношениях и в целом отношения с окружающими. Они также считают, что могут довольно успешно справляться с проблемами собственного здоровья и здоровья своих детей, не отличаясь по этим показателям от бурятских матерей. Показатели интернальности отцов в московской группе несколько выше аналогичных показателей из бурятской группы. Однако достоверны эти различия также только по шкале производственных отношений ($p < 0,02$).

Показатели интернальности отцов московской выборки в целом обнаруживают большую вариативность. Для шкал общей интернальности и интернальности производственных отношений эти различия достоверны по критерию Фишера ($p < 0,01$; $p < 0,04$ соответственно). Московская группа матерей по сравнению с бурятской в целом также демонстрирует тенденцию к большему разнообразию в сфере интернальности, но различия не достигают уровня значимости.

В качестве меры согласованности уровня субъективного контроля родителей использовались коэффициенты корреляции, вычисленные отдельно по каждой шкале опросника. В бурятской выборке коэффициенты корреляции высоки и достоверны. Они находятся в диапазоне от 0,49 до 0,81 ($p < 0,05$; $p < 0,0001$ соответственно). В московской выборке степень согласованности родительских пар по уровню субъективного контроля несколько ниже. Коэффициенты корреляции расположены в диапазоне от 0,41 для шкалы производственных отношений до 0,65 для шкалы семейных отношений ($p > 0,01$; $p < 0,0005$ соответственно). Эти данные также свидетельствуют о том, что при отсутствии выраженных различий по средним значениям уровня субъективного контроля в московских родительских парах имеет место большая вариативность шкальных значений.

Анализ стилей семейной социализации показал следующее. Для отцов из московской выборки были получены такие процентильные ранги: по шкале «принятие — отвержение» — 59,5 %, по шкале «кооперация» — 66,58 %, по шкале «симбиоз» — 60,11 %, по шкале «авторитарная гиперсоциализация» — 83,79 %, «инфантилизация» — 79,15 %. Для московских матерей полученные сырые данные соответствуют следующим процентильным рангам: 80,69; 64,58; 83,71; 80,17; 89,1 % соответственно по шкалам. Эти данные показывают, что родители московской группы отличает сильно выраженная пристрастность и определенная противоречивость в отношении к детям. О последнем, например, свидетельствует тот факт, что шкалы 2 и 5 — «кооперация» (социальная желательность) и «инфантилизация» («маленький неудачник»), несущие в значительной степени противоположное содержание, имеют достаточно высокий процентильный ранг. Родительские позиции по стилям отно-

шения к ребенку в московской выборке достаточно согласованы. Соответствующие коэффициенты корреляции варьируют в диапазоне от 0,56 для шкалы «принятие — отвержение» до 0,84 для шкалы «авторитарная гиперсоциализация» ($p < 0,02$; $p < 0,01$ соответственно).

При сравнении «сырых» данных о московских и бурятских матерях в четырех случаях из пяти отмечаются достоверно большие значения средних в московской группе. Для московских матерей в большей степени характерны отвержение ребенка, симбиоз, гиперсоциализация (авторитарная социализация) и инфантилизация (инвалидизация). Лишь по шкале «кооперация» достоверных различий между группами не установлено. В целом эти данные свидетельствуют о том, что для матерей бурятской популяции характерно более спокойное, уравновешенное отношение к детям. Для отцов из бурятской группы также более характерно сдержанное отношение к детям: соответствующие показатели по величине близки к шкальным оценкам матерей и достоверных различий не обнаруживают. Очень высока в бурятской выборке и мера согласованности родительских ответов по всем пяти шкальным оценкам. Соответствующие коэффициенты корреляции статистически значимы и составляют 0,74 — 0,88. Возможно, что эти данные говорят о единстве родительских позиций в отношении к воспитанию детей в бурятской выборке. Однако нельзя исключить и того, что, несмотря на инструкцию, отцы при заполнении опросников ориентировались на ответы матерей.

В совокупности эти данные означают, что при общем довольно низком уровне субъективного контроля над жизненными ситуациями, наблюдающемся у родителей из московской и бурятской популяций, они по-разному представляют систему родительно-детских отношений.

Сравнительный анализ характеристик детей

Оценка школьной готовности детей проводилась по тесту Лидерса, Колесникова, поскольку в нем минимизировано участие лингвистических навыков. Последнее снижает риск того, что дети, испытывающие речевые трудности в связи с двуязычием, покажут по этой причине худшие результаты. В то же время эта методика выявляет наиболее важные с точки зрения учебной деятельности умственные способности ребенка — некоторые аспекты памяти, внимания и т. д. По нормативам авторов методики полученные в нашем исследовании «сырые» баллы московской выборки, переведенные в процентиля, составляют по тестам от 1 до 5, соответственно 42,7; 80,6; 60,9; 61,9; 66 %.

Не ставя своей целью стандартизацию методики в бурятской популяции, мы ограничились при сопоставлении выборок анализом «сырых» данных. Тем не менее, факторный анализ показателей методики, полученных в бурятской популяции, обнаружил, что данные по каждому субтесту вошли в отдельный фактор [8]. Последнее говорит о том, что в случае применения пяти субтестов этой методики в бурятской популяции измеряются пять самостоятельных характеристик.

Апробация невербального теста Торренса в бурятской популяции была проведена Т. В. Доржиевой [4]. Она установила, что средний общий показатель креативности у детей городских школ равен 57,1, у детей сельских школ — 47,9. По нашим данным этот показатель равен 52,49 и достоверно не отличается от аналогичного показателя московской выборки. Тем не менее, по отдельным составляющим креативности достоверные различия есть. Так, у детей из Бурятии достоверно ниже показатель разработанности (см. таблицу). Для установления взаимосвязи показателей школьной готовности и творческого мышления детей в обеих группах были вычислены корреляционные связи между показателями школьной готовности и креативности.

В большинстве случаев они оказались незначимыми. Исключение составляли полученные в московской группе корреляции показателей зрительной памяти и наглядно-образного мышления с показателем разработанности ($r = 0,34$, $p < 0,05$; $r = 0,51$,

$p < 0,01$ соответственно). В бурятской группе также имеется значимая корреляция между показателями зрительной памяти и разработанности ($r = 0,29$, $p < 0,05$).

Таблица

**Оценка достоверности различий показателей детей
в бурятской (1) и московской (2) группах**

№ п/п	Показатели	Группа 1		Группа 2		Уровень значимости школьной готовности
1	Внимание	13,70	5,96	26,78	11,41	0,000
2	Внутренний план	6,40	3,88	7,01	2,35	—
3	Зрительная память	13,75	3,90	9,63	4,42	—
4	Наглядно-образное мышление	17,10	4,84	12,00	4,97	0,004
5	Комбинаторика	6,10	4,17	7,00	5,17	—
КРЕАТИВНОСТЬ						
6	Продуктивность	50,91	15,69	52,18	12,19	—
7	Гибкость	52,62	11,16	51,41	14,18	—
8	Оригинальность	51,60	6,91	56,71	13,01	0,052
9	Разработанность	45,19	5,32	53,47	10,92	0,042
10	Общая оценка	52,49	12,89	54,13	19,34	—
МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ						
11	К матери	34,16	15,75	36,66	20,04	—
12	К отцу	11,25	10,64	14,42	13,80	—
13	К родителям	38,22	19,60	27,11	15,87	0,049
14	К сиблингам	21,87	12,54	26,44	18,61	—
15	К бабушке и дедушке	10,83	10,37	19,11	20,77	0,031
16	К другу	14,41	12,93	9,48	22,64	—
17	К учителю	18,02	13,10	24,00	18,73	—
18	Любознательность	59,56	24,58	52,73	23,53	—
19	Общительность	21,47	15,75	11,73	13,49	0,049
20	Стремление к лидерству	28,06	15,79	30,11	16,65	—
21	Агрессивность	34,22	22,03	21,00	23,10	0,039
22	Реакция на фрустрацию	18,29	19,26	43,22	24,07	0,001
23	Отгороженность	12,70	11,38	13,66	14,43	—

По-видимому, для формирования школьной готовности ребенка, оцениваемой в когнитивном аспекте, в отличие от творческого невербального мышления, большую роль играет уровень развития конвергентного мышления ребенка, определяющий возможности его социальной адаптации. В целом эти данные свидетельствуют о том, что, независимо от конкретных социокультурных условий, в умственном развитии ребенка его разные стороны, в первую очередь такие, как конвергентное и дивергентное мышление, развиваются относительно независимо друг от друга.

Специального обсуждения заслуживают результаты, полученные с помощью методики Р. Жила [3]. Эта методика позволяет оценить два блока характеристик: 1) конкретно-личностные отношения ребенка; 2) особенности самого ребенка, проявляющиеся в различных отношениях. Из таблицы следует, что в обеих группах приблизительно одинаковое число выборов приходится на долю матери и отца, взятых изолированно. В этих случаях достоверных различий между московскими и бурятскими детьми нет. Однако выбор родительской четы как целого дети из Бурятии делают достоверно чаще. В то же время московские дети достоверно чаще выбирают кого-либо из родственников старшего поколения: бабушку или дедушку. Относительно мало выборов у тех и других приходится на долю друзей и подруг. Надо, однако, подчеркнуть, что во всех перечисленных случаях имеет место зна-

чительная дисперсия, что свидетельствует о разнообразии реальных вариантов в системе рассматриваемых отношений.

При анализе второго блока характеристик особое внимание привлекает общий для обеих групп факт — очень высокие показатели любознательности, которые оказались весьма высоки в обеих группах детей. По-видимому, в данном случае отчетливо проявляется специфика возраста. Младшие школьники, как правило, демонстрируют высокую мотивацию к обучению и положительное отношение к учебным занятиям. Наряду с этим следует отметить достаточно высокий уровень фрустрированности детей из московской выборки. Напомним, что, как было показано выше, стили родительского отношения к детям в московской выборке отличаются особой противоречивостью и напряженностью. Для детей из бурятской выборки характерны более выраженные общительность, агрессивность и стремление к лидерству. По первым двум из названных показателей они достоверно превосходят детей из московской выборки.

Корреляционный анализ

характеристик родителей и показателей умственного развития детей

В московской группе имеются положительные корреляции, полученные при сопоставлении показателей школьной готовности и стилей социализации родителей. Более всего их приходится на шкалы кооперации и авторитарной гиперсоциализации: все задания теста лучше выполняют те дети, матери и отцы которых обнаруживают склонность к сотрудничеству с ребенком или, напротив, склонны к жесткому контролю (r от 0,34, $p < 0,05$ до 0,48, $p < 0,01$). Вероятно, родительские контроль и опека при подготовке к обучению в школе могут оказывать организующее и стимулирующее действие на детей. Показатели УСК матерей московской группы обнаруживают только одну статистически значимую связь с показателями школьной готовности: интернальность в сфере неудач положительно связана с показателем внимания в тесте школьной готовности ($r = 0,39$; $p < 0,05$). По-видимому, матери, принимающие ответственность за свои неудачи, с большим успехом приучают своих детей к внимательности. Корреляционный анализ показателей творческого мышления и характеристик родителей выявил сравнительно немного корреляций. Так, например, у матерей положительно и достоверно связаны между собой оценки по шкале «кооперация» и показатель разработанности ($r = 0,33$; $p < 0,05$). Показатели УСК матерей и отцов из московской группы образуют эпизодические связи с характеристиками творческого мышления детей. Так, интернальность матерей в области семейных отношений положительно связана с продуктивностью творческого мышления ($r = 0,32$; $p < 0,05$). Общая интернальность отцов положительно коррелирует с показателем беглости мышления ($r = 0,35$; $p < 0,05$).

В бурятской группе имеются положительные корреляции, полученные при сопоставлении показателей школьной готовности и стилей социализации родителей. Более всего их приходится на шкалу «кооперация»: все задания теста лучше выполняют те дети, матери и отцы которых обнаруживают склонность к сотрудничеству с ребенком (r от 0,29, $p < 0,05$ до $r = 0,44$, $p < 0,01$). Показатели УСК матерей бурятской группы обнаруживают целый ряд статистически значимых связей с показателями школьной готовности и творческого мышления детей. Показатели общей интернальности, интернальности в области достижений и семейных отношений образуют статистически достоверные связи с отдельными характеристиками творческого мышления — беглостью, гибкостью, разработанностью (r от 0,36, $p < 0,05$ до $r = 0,58$, $p < 0,001$). Наряду с этим показатели интернальности отцов в области семейных отношений и межличностных отношений положительно коррелируют со всеми показателями творческого мышления детей (r от 0,38, $p < 0,05$ до $r = 0,68$; $p < 0,0001$).

Корреляционный анализ характеристик родителей и показателей межличностных отношений детей

В обеих группах имеются отдельные значимые корреляции между характеристиками родителей и показателями методики р. Жилия. Так, например, в московской выборке шкалы «принятие — отвержение» и «авторитарная гиперсоциализация» матерей и отцов дают отрицательные корреляции с показателями отношения ребенка к тому и другому из родителей (r от $-0,32$, $p < 0,05$ до $r = -0,48$, $p < 0,01$). Показатели интернальности родителей в области достижения и в области семейных отношений положительно связаны с некоторыми личностными особенностями детей — стремлением к лидерству и агрессивностью (r от $0,36$, $p < 0,05$ до $0,61$, $p < 0,01$).

В бурятской выборке выявлены положительные связи между стилем кооперации и отношением ребенка к родителям (r от $0,46$, $p < 0,02$ до $r = 0,80$, $p < 0,01$). Те же показатели интернальности отцов отрицательно коррелируют с такими качествами ребенка, как любознательность и общительность в группе (r от $-0,59$, $p < 0,01$ до $r = -0,84$, $p < 0,01$). По-видимому, отец с высоким уровнем субъективного контроля привлекает к себе ребенка, в определенной степени подавляя интерес к другим людям.

Очевидно, что при такой достаточно пестрой картине корреляционных связей целесообразно было провести факторный анализ. Однако факторизация матриц интеркорреляций (отдельно в каждой из выборок) оказалась малоинформативной. В обоих случаях выделенные факторы не выявили взаимосвязанной и хорошо интерпретируемой структуры анализируемых показателей. Распределение большинства показателей по факторам произошло по принципу их принадлежности к той или иной методике.

Построение предикторов умственного развития детей

Интегральные предикторы выделялись с помощью процедуры регрессионного анализа по схеме, апробированной в психологических исследованиях [5, 7, 8, 10]. Выделение предикторов по этой схеме представляет собой вариант моделирования, результаты которого зависят от избранной комбинации независимых переменных. Изменяя состав последних, можно получить разные комплексы прогностических характеристик. Тем не менее, когда в разных сочетаниях независимых переменных устойчиво выделяется несколько характеристик, достоверно объясняющих значительную долю дисперсии отклика (зависимой переменной), есть основания считать, что выделенные характеристики приобретают функцию предикторов, — это метод, который позволяет выделить факторы, наиболее существенные для формирования индивидуальных особенностей ребенка.

Построение предикторов осуществлялось в два этапа. На первом этапе в качестве потенциальных предикторов школьной готовности и креативности рассматривались только характеристики родителей. Это значит, что все показатели родителей (по уровню субъективного контроля и стилям семейной социализации) квалифицировались как независимые переменные, в качестве зависимых переменных поочередно выступали оценки, полученные детьми по шкалам тестов школьной готовности и творческого мышления.

Ранее было показано, что можно прогнозировать индивидуальные особенности школьной готовности ребенка на основе личностных факторов матери, определяемых по тесту Кеттелла, хотя с разной степенью успешности (В). В первую очередь, это касается шкалы умственной работоспособности. Взятые вместе 10 личностных факторов матери позволяют объяснить 97 % дисперсии по этой характеристике. В других случаях коэффициент детерминации оказался значительно меньше.

Аналогичная картина получилась, когда в качестве потенциальных предикторов были использованы другие характеристики матери и отца — стили семейной социализации и уровень субъективного контроля. В московской выборке получить предикторы удалось только для трех показателей школьной готовности (умственная работоспособность, зри-

тельная память, наглядно-образное мышление), в бурятской группе — только для двух шкал (умственная работоспособность, зрительная память).

В обеих группах число предикторов варьирует от 1 до 5. В большинстве случаев в число предикторов входят показатели шкал родительского отношения: «авторитарная гиперсоциализация» и «инвалидизация» со стороны как матерей, так и отцов, а также показатели интернальности отцов. Интернальность матери не вошла в число предикторов ни в одном из вариантов анализа. Однако надо подчеркнуть, что коэффициенты детерминации в этих случаях не превышают 0,25. Последнее означает, что выделенные таким образом предикторы объясняют не более 25 % наблюдаемой в популяции дисперсии по изучаемым показателям.

Предикторы показателей творческого мышления детей на основе включенных в анализ родительских особенностей выделить не удалось ни в одной из групп. Исключение составил показатель разработанности, который, по данным московской группы, можно прогнозировать на основе шкал «принятие — отвержение» и «инвалидизация», а также «интернальность отцов», но также с очень невысоким коэффициентом детерминации (19 %).

На втором этапе в качестве потенциальных предикторов школьной готовности и креативности рассматривались только характеристики детей, т. е. все показатели методики Р. Жилия.

Особенности межличностных отношений и личностные черты детей как предикторы их умственного развития и одаренности

В обеих выборках можно прогнозировать показатели школьной готовности и креативности ребенка на основе межличностных отношений детей. В число предикторов входят показатели отношения к матери, отцу, другу, учителю. Хотя надежность прогноза различается и коэффициенты детерминации во всех случаях объясняют меньше половины дисперсии, приведенные данные наглядно демонстрируют, что факторы семейной среды не менее существенны для прогноза умственного развития ребенка, нежели его собственные особенности на более ранних этапах онтогенеза [5, 10]. В то же время выделенные характеристики семьи, обладающие приблизительно равной прогностической валидностью в разных социоэкологических контекстах, т. е. функционирующие вне зависимости от конкретных условий, можно расценивать как свидетельство существования универсальных семейных детерминант, определяющих особенности формирования школьной готовности и творческого мышления детей 6-7 лет.

Выводы

1. Существенных различий между показателями УСК родителей московской и бурятской популяций не выявлено, за исключением различий по шкале интернальности в области производственных отношений. По стилям родительского отношения для московских родителей в большей степени характерны отвержение ребенка, симбиоз, гиперсоциализация (авторитарная социализация) и инфантилизация (инвалидизация). Лишь по одной шкале — «кооперация с ребенком» достоверных различий между группами не установлено.

2. По показателям умственной работоспособности достоверно лучше результаты у московских детей, по показателям развития зрительной памяти и сформированности наглядно-образного мышления — у бурятских, а по показателям сформированности внутреннего плана действия и способности к комбинированию достоверных различий между выборками не зафиксировано. По показателям творческого мышления дети московской и бурятской выборок достоверно не различаются, за исключением показателя разработанности, который в бурятской выборке значимо ниже.

3. При анализе межличностных отношений детей установлено, что число выборов отца и матери в той и другой группе практически совпадает, но между бурятскими и московскими детьми есть различия в отношении к родителям как чете. На фоне достоверно более высокого уровня фрустрированности московских детей для детей из бурятской выборки зафиксированы достоверно более высокие значения общительности и агрессивности.

4. В состав предикторов, полученных в бурятской и московской выборках, входят близкие и/или совпадающие психологические характеристики родителей и межличностных отношений детей; выделенные предикторы в той и другой выборке обладают приблизительно равно прогностической валидностью.

Литература

1. Бажин Е. Ф., Голынкина Е. А., Эткинд А. М. Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М., 1993.
2. Варга А. Я., Стопин В. В. Тест-опросник родительского отношения: Практикум по психодиагностике. М., 1988.
3. Гильяшева И. Н. Вопросы как метод исследования личности в клинике // Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. Л., 1983.
4. Доржиева Т. В. Психологическое исследование роли этнических традиций в развитии творческого потенциала детей в младшем школьном возрасте: Автореф. канд. дис. М., 2000.
5. Димитрашку Т. Д., Марютина Т. М., Равич-Щербо И. В., Трубников В. И. Предикторы индивидуальности ребенка в многодетной семье // Мир психологии. 1996. № 4.
6. Лидерс А. Г., Колесников В. Г. Тест школьной зрелости. Обнинск, 1992.
7. Марютина Т. М., Ермолаев О. Ю., Трубников В. И. О природе психологических предикторов // Психологическая наука и образование. 1998. № 1.
8. Марютина Т. М., Ермолаев О. Ю., Мункоев А. К. Личностные особенности матери и школьная готовность ребенка: сравнительный анализ двух популяций // Психологическая наука и образование. 2000. № 1.
9. Панов В. И. Состояние и проблемы экологической психологии // Психологическая наука и образование. 1998. № 1.
10. Равич-Щербо И. В., Марютина Т. М., Трубников В. И., Белова Е. С., Кириакиди Э. Ф. Психологические предикторы индивидуального развития // Вопросы психологии. 1996. № 2.
11. Шумакова Н. Б., Шебланова Е. И., Щербо Н. П. Фигурная форма А теста творческого мышления П. Торренса — ТТСТ: Методические рекомендации. М., 1990.
12. Bronfenbrenner U. Ecology of the family as a context for human development: Research perspectives // *Developmental Psychology*. 1986. Vol. 22. № 6.
13. Garbaerino J. *Children and Families in the Social Environment*. N.Y., 1992.